

Библиотека охватывала множество жанров. Пэй Линь увлеченно листал комиксы, обняв книгу. Чу Лян к ним был равнодушен, а вот Чу Фань, напротив, проявлял живой интерес. Он обошел полукруглую лестницу и поднялся на второй этаж.

На втором этаже людей было значительно меньше. В основном здесь стояли книги, переведенные с иностранных языков, и психологическая литература. Чу Лян, проходя вдоль стеллажей, оказался в дальней части зала. Прямо перед ним, на полке, лежала книга с совершенно белой обложкой, почти наполовину прикрытая томиком по психологии. На открытой части обложки мелким шрифтом было выведено название «Гомосексуальность» и указано имя переводчика — судя по всему, это была зарубежная работа.

Чу Лян замер, глядя на неё, и на мгновение в его голове образовалась пустота. Он уже знал, что означают слова «одинаковый пол» и «разный пол», поэтому смысл названия понял без труда. Любовь... между людьми одного пола? На втором этаже почти никого не было, а редкие посетители, взглянув на скучные полки, быстро уходили. Чу Лян прижал книгу к груди, нашел укромный уголок, где его никто не видел, и присел на корточки. Оглядевшись, он почувствовал, как сердце бешено колотится.

Строки текста, набранные четким шрифтом, прыгали перед глазами. Чу Лян смотрел, не моргая, пока глаза не начало щипать. Он не мог описать то, что сейчас чувствовал. Теперь он понимал отношения Цзоу Кая и Гу Вэня. Книга описывала всё до мельчайших деталей: от самых серьезных теоретических выкладок до обыденных описаний. Ему показалось, что у его бесконечной, беспричинной тоски наконец нашелся выход, но в то же время пришло осознание, что эта тоска, возможно, навсегда заперта в его душе.

— Чу Лян, что читаешь? Так увлекся.

Кто-то хлопнул его по плечу. Подняв голову, он увидел перед собой лицо Чу Фаня. Чу Лян резко оттолкнул его, охваченный паникой, будто его застучали за чем-то постыдным.

Чу Фань не ожидал такой реакции. Чу Лян постоянно занимался тхэквондо, сил у него было много, и от этого толчка Чу Фань просто плюхнулся на пол.

— Чу Лян, ты с ума сошел? — Чу Фань так приложился, что у него онемела пятая точка.

— Брат, ты когда пришел? — Чу Лян знал: когда Чу Фань называет его по имени и фамилии, значит, действительно разозлился. Он быстро поставил книгу обратно на полку, заслонив её другими, и только потом протянул руку, чтобы поднять Чу Фаня.

Чу Фань потер ушибленное место и, взглянув на невинное выражение лица Чу Ляна, тяжело вздохнул:

— Я уже давно здесь, звал тебя, а ты и ноль внимания. — Чу Фань посмотрел на полку. — Что за книга-то была, так сильно тебя затянула?

— Ничего особенного. Брат, пошли домой. — Чу Лян развернулся, закрыл обзор Чу Фаню и потянул его вниз по лестнице.

Увидев, что они спускаются, Пэй Линь отложил комикс. Чу Лян выглядел подавленным, и Пэй Линь забеспокоился. Ему хотелось спросить, что случилось, но он побаивался Чу Фаня, поэтому лишь робко пробормотал: «Пока, брат, пока, Чу Лян», — и вернулся к чтению.

В голове у Чу Ляна всё крутились мысли о том, что было написано в книге. Однополые... Отношения между людьми одного пола.

— Сяо Лян, у тебя суп уже в нос попадает, — сказала мама, глядя на младшего сына. С самого возвращения после обеда тот выглядел рассеянным, будто витал где-то в облаках.

— А? — переспросил Чу Лян. Ложка была всего в нескольких сантиметрах от носа.

— Сяо Лян, случилось что-то? Не держи в себе, — папа сделал глоток вина и кивнул сыну, предлагая выпить. Чу Лян взял бокал, пригубил немного и улыбнулся отцу:

— Всё в порядке.

Отец больше ничего не сказал. Чу Лян умел скрывать свои переживания — если он не хотел о чем-то говорить, бесполезно было пытаться вытянуть из него хоть слово.

Сегодня была очередь Чу Фаня мыть посуду, а Чу Лян сразу ушел в комнату и повалился на кровать.

— Спишь? — Чу Фань вошел в комнату после кухни и увидел, что Чу Лян лежит, уткнувшись в подушку. Присмотревшись, он заметил, что у брата очень длинные ресницы, похожие на маленькие веера.

— От тебя пахнет средством для мытья посуды, — буркнул Чу Лян, отвернувшись.

Чу Фань хмыкнул:

— Ишь ты, еще и нос воротишь от брата.

— Да как я посмею? — Чу Лян перестал лежать и сел. — Брат, как ты думаешь... если двое парней... встречаются... и целуются...

Чу Фань опешил. Что у этого пацана в голове?

— Двое парней целуются? Гадость какая, Чу Лян, ты в своем уме? — Чу Лян промолчал и снова глухо уткнулся лицом в кровать.

«А если я тебя поцелую, тебе тоже будет противно?» — подумал он. Чу Лян хотел было попробовать укусить его за губы, но после слов Чу Фаня о том, что это мерзко, у него не хватило смелости. Если он укусит Чу Фаня, тот обязательно разозлится.

— Ну, это совсем другое дело. Ты же мой брат, мы же не влюблены друг в друга, — Чу Фань не понял, почему Чу Лян вел себя так странно, и, притянув его к себе, чмокнул в щеку, даже с характерным звуком.

Чу Лян замер. Он даже не стал вытирать слюну, которую оставил Чу Фань. Чу Фань — его брат, они не могут быть парой. Чу Фань считает, что любовь и поцелуи между мужчинами — это нечто отвратительное.

Пэй Линь ткнул Чу Ляна локтем. Тот сегодня весь день витал в облаках, и это уже был пятый раз, когда его звали.

— Чу Лян? Чу Лян всё ещё думал о словах Чу Фаня, сказанных им вечером: целоваться двум мужчинам противно, они же братья, никакой любви между ними быть не может. Чу Лян тяжело вздохнул, не понимая, откуда взялось это чувство утраты. В конце концов, он изначально и не собирался заводить роман с Чу Фанем, просто тот заявил, что любовь между двумя мужчинами — это мерзость. Однако, глядя на Цзоу Кая и Гу Вэня, Чу Лян вовсе не находил это отвратительным. Он лишь подумал, что, оказывается, мужчины тоже могут быть вместе.

Чу Лян повернулся и бросил взгляд на Пэй Линя. Тот, как банный лист, прилип к нему, казалось, при любых обстоятельствах. На душе у Чу Ляна было тяжело, и ему безумно хотелось с кем-нибудь поговорить.

— Пэй Линь... — с некоторой неловкостью произнёс Чу Лян, глядя на него. — Как думаешь, два парня могут встречаться?

Вспомнив прочитанное в книге о том, что гомосексуальность отвергается обществом, Чу Лян посчитал, что его чувства к Чу Фаню — нечто порочное. Ему оставалось лишь держать всё в тайне, надеясь, что со временем это пройдет.

Пэй Линь долго не мог прийти в себя от вопроса Чу Ляна. Заметив его реакцию, Чу Лян вздохнул:

— Забудь, считай, что я ничего не спрашивал. Пойдём обратно в класс.

Пэй Линь кивнул, совершенно не понимая, с чего вдруг Чу Лян задал такой вопрос.

В последнее время Чу Фань, помимо повторения материала, столкнулся с новой проблемой. Цуй Сяо Я, девчонка из соседнего класса, то и дело беспричинно слонялась возле их кабинета, норовила прижаться к нему при каждом удобном случае и вечно норовила утащить за собой. Какое бы ледяное выражение ни принимал Чу Фань, она всё равно неизменно липла к нему. Чу Фань вытаращил глаза и принялся тереть рукой щеку, к которой прикоснулась Цуй Сяоя. Ему было противно; пусть та и была девушкой, отвращение никуда не делось.

— Чу Фань, неужели я тебе настолько неприятна? Всего лишь один поцелуй.

Цуй Сяоя была проблемным подростком с весьма свободными взглядами. Сегодня она специально подкараулила Чу Фаня по пути в класс и, улучив момент, чмокнула его. Увидев, как он принялся неистово тереть щеку, девушка почувствовала себя униженной. Она ведь была довольно симпатичной, за ней бегала целая толпа парней, и на других она даже смотреть не хотела, а тут — Чу Фань, который демонстративно ее игнорировал.

— Проваливай.

Чу Фань напоследок вытер щеку и холодно бросил это слово, после чего замолчал, заметив за спиной Цуй Сяои Чу Ляна.

Под ледяным взглядом Чу Фаня Цуй Сяоя почувствовала себя неуютно, развернулась и потрусила обратно в класс.

— Значит, тебе нравится, когда тебя целуют девушки?

Чу Лян вышел из столовой и, завернув за угол, увидел, как девушка целует Чу Фаня в щеку. Лицо Чу Фаня было скрыто, так что он не мог разобрать выражения его лица, зато почувствовал, как от самого себя веет холодом, а взгляд, устремленный на Чу Фаня, стал еще ледянее. Чу Фань изначально хотел всё объяснить, но, увидев отвращение во взгляде Чу Ляна, заглотил слова обратно. Думай что хочешь, бросил он фразу и напрямик направился в класс. Это была их первая крупная ссора, и они продержались в холодной войне целых месяц.

Благодаря упорному труду и стараниям Чу Фаня, чей труд не пропал даром, он наконец поступил в Первую среднюю школу и даже попал в экспериментальный класс. Средняя школа при Первой академии делилась на обычные классы, классы отличников и экспериментальные, причем последние были лучшими.

Сжимая в руке табель с результатами, взволнованный Чу Фань в несколько прыжков доехал на велосипеде до дома. Чу Лян сидел под виноградной лозой, а Дуду лежал у него на коленях, лениво помахивая хвостом. Заметив, что Чу Фань вернулся, Чу Лян лишь приподнял веки и продолжил играть с кошкой. Чу Фань всё это время испытывал сильное чувство вины: с самого начала был неправ он, но из-за гордости он никак не мог заставить себя извиниться, так что напряжение сохранялось.

Побыв немного в нерешительности, Чу Фань вошел на кухню, где мама как раз готовила еду. Чу Фань взмахнул в воздухе табелем:

— Мам, держи.

Мама, резавшая овощи, услышала Чу Фаня, отложила нож, вымыла руки и спросила:

— Ну как успехи?

Чу Фань самодовольно хмыкнул:

— Сама посмотри.

Сказав это, он прислонился к кухонной плите. Мама несколько раз перечитала табель, убедившись, что ей не мерещится, и отвесила Чу Фаню легкую затрещину по затылку:

— Неплохо! Я же говорила, что мой сын ничуть не глупый.

Закончив говорить, мама крикнула во двор:

— Сяо Лян, скажи ведь, правда?

Услышав радостный голос мамы, Чу Лян тоже искренне порадовался за Чу Фаня, но всё же сделал вид, что ему всё равно, и неопределенно угукнул.

Мама притянула к себе Чу Фаня и звонко чмокнула пару раз:

— Надо позвонить твоему отцу, пусть купит продуктов по дороге домой. Сегодня ужин будет особенным, наш главный ученик, заказывай блюда.

— Тогда давай тушеную говядину в соевом соусе и свинину в красном соусе, Чу Лян как раз это любит, — сказал Чу Фань и тут же смутился.

Мама давно заметила разлад между ним и Чу Ляном, но не вмешивалась, давая им возможность разобраться самим.

— Что у вас с Сяо Ляном стряслось? Ты бы взял да первым пошел на уступку. Если характер Сяо Ляна упрется, он ведь может целый год с тобой не разговаривать, — мама с улыбкой похлопала Чу Фаня по плечу. Раньше они с Чу Ляном тоже изредка ссорились, но самое большее через два дня снова мирились и жили душа в душу. Судя по всему, на этот раз Чу Лян заартачился всерьез.

Чу Фань недовольно надул губы, но в одном мама была права: если он сам не заговорит первым, Чу Лян действительно сможет игнорировать его целый год. При мысли о том, что придется целый год не разговаривать с Чу Ляном, у Чу Фаня снова скребло на душе. В этот месяц всё

было главным образом потому, что он был полностью поглощен повторением материала и целыми днями пропадал в учебе, так что конфликт с Чу Ляном немного сгладился из-за школьных задач. Но стоило ему сейчас расслабиться, как Чу Фань отчетливо понял: Чу Лян и вправду смертельно обижен. Чу Фань недовольно надул губы, однако в одном мама была права: если он сам не сделает первый шаг, Чу Лян вполне мог не разговаривать с ним целый год. От одной мысли, что ему придется провести целый год в молчании с Чу Ляном, у Чу Фаня на душе становилось тоскливо. Весь этот месяц он был занят повторением материала, с головой ушел в учебу, и острота конфликта с Чу Ляном немного притупилась из-за груды учебных заданий. Но стоило ему расслабиться, как он осознал: Чу Лян действительно на него обиделся.

За ужином Чу Фань несколько раз подкладывал Чу Ляну еду. Он прекрасно знал, что тот любит, а что нет: например, терпеть не мог лук и кинзу, зато обожал мясо, а кроме мяса — снова мясо. В итоге, когда Чу Фань опомнился, миска Чу Ляна была наполнена едой с такой высокой горкой, что напоминала горный пик.

Мама, глядя на это, не выдержала:

— Чу Фань, ты вообще умеешь накладывать еду? Дай человеку спокойно поесть!

Чу Фань и без того чувствовал себя неловко, а после слов матери смутился еще сильнее. Отец, сдерживая смех, продолжал невозмутимо пить вино, а Чу Лян, который поначалу собирался хранить серьезный вид, не выдержал и прыснул от смеха, глядя на выражение лица Чу Фаня.

Чу Фань посмотрел на улыбающееся лицо Чу Ляна и решил, что это унижение того стоило. По крайней мере, Чу Лян засмеялся и больше не выглядел так, будто весь мир ему задолжал, сохраняя на лице выражение, отпугивающее как чужих, так и близких.

— Ваш покорный слуга недавно прогневал господина Чу, — пробормотал Чу Фань, — вот, пытаюсь искупить вину.

Мама рассмеялась:

— Неискренне. Назвал бы себя хотя бы рабом, для приличия.

Чу Фань дернул уголок рта: мама слишком уж явно была на стороне Чу Ляна. Увидев, что Чу Фань старается, мама взяла на себя мытье посуды, которая обычно была его обязанностью. Чу Фаню стало скучно. Чу Лян ушел в комнату. В последнее время он стал невероятно увлечен книгами: при любой возможности бежал в книжный магазин возле школы, а дома сразу зарывался в стопки литературы.

Неужели сейчас какой-то сезон чтения? Даже Дэн Юй в последнее время не расставался с какой-то книгой, обложка которой была уже измята, а страницы выпадали. Чу Фань мельком взглянул на нее: сплошные двоеточия, прерывистые междометия вроде ну... а... ну-о... Он не любил читать и не придавал этому значения, но когда увидел эти строки, у него внутри что-то сжалось.

Чу Фань тихо прокрался в комнату и встал позади Чу Ляна, желая узнать, что же такого увлекательного он читает. Чу Лян захлопнул книгу:

— Уродливо ты ходишь.

Чу Фань замер. Он ведь старался ступать бесшумно! Присмотревшись, он заметил на столе перед Чу Ляном крошечное зеркальце, в котором идеально отражался дверной проем.

— Неплохо, — усмехнулся Чу Фань. — Все лучше и лучше получается задевать брата.

— С кем поведешься, от того и наберешься, — Чу Лян положил книгу на стол и потянулся.

— Да-да, конечно, это я во всем виноват, — Чу Фань подошел ближе и потерся о него. — Больше не сердишься?

На душе у Чу Фаня было беспокойно. Хотя все произошло из-за недопонимания, в присутствии Чу Ляна эта ошибка казалась ему размером с целую вселенную.

— Прошло, — ответил Чу Лян. Он давно перестал злиться. Да и не мог он долго обижаться на Чу Фаня — просто не хотел отвлекать того от подготовки, когда он наконец-то вошел в рабочий ритм. Однако Чу Лян никак не ожидал, что Чу Фань, который всегда так дорожил своей гордостью, опустится до извинений. Это чувство того, что он по-настоящему важен близкому человеку, заставило его сердце радостно встрепенуться.

— Правда прошло? — не унимался Чу Фань. Он боялся, что Чу Лян, как обычно, затаит обиду глубоко внутри.

— Какой же ты назойливый, правда прошло!

Настроение у Чу Ляна сейчас было не самым лучшим: переход Чу Фаня в среднюю школу означал, что на переменах он его не увидит, в обед — тоже, после уроков они не пойдут домой вместе, да и утром не встретятся по дороге в школу. Для Чу Ляна, который привык к их совместному режиму, этого было достаточно, чтобы радость от извинений Чу Фаня испарилась.

Чу Лян вздохнул:

— Когда ты перейдешь в среднюю школу, мы уже не сможем ходить на учебу вместе.

Чу Фань так сильно переживал из-за того, что Чу Лян на него сердится, что совсем забыл о поступлении в Первую среднюю школу. Услышав слова Чу Ляна, он почесал затылок:

— Наверное, так и будет.

Первая средняя и Первая начальная школы находились в разных районах: одна на востоке, другая на юге. Стоило выйти из дома, как их пути расходились.

Чу Лян нахмурился:

— Я не такой мелочный, как ты думаешь.

Впрочем, на душе у него действительно было беспокойно. Но этого он не сказал: расстояние между школами было немалым, и он не хотел, чтобы Чу Фань слишком уставал.

Они решили расходиться на перекрестке. Дорога до школы у Чу Ляна была не самой близкой. Чу Фань посоветовался с мамой и решил купить Чу Ляну велосипед.

— Мам, я могу ездить вместе с братом, не надо покупать, — сказал Чу Лян. Он хотел иметь велосипед, чтобы ездить с Чу Фанем на прогулки, но в то же время не хотел его, ведь тогда у него не будет повода всю дорогу быть рядом с Чу Фанем. Сравнивая велосипед и Чу Фаня, он выбирал Чу Фаня. Чу Фань поднялся, подпрыгнул пару раз, собираясь выйти из дома. Последнее время Дэн Юй вёл себя как помешанный: с утра до вечера сидел, уткнувшись в книгу, и настойчиво звал Чу Фаня с собой, при этом особо подчёркивая, что Чу Ляна брать нельзя. Сегодня утром он заглядывал снова.

— Брат, ты будто снова вырос? — Чу Лян окинул Чу Фаня взглядом. Тот и впрямь вытянулся: брюки, которые ещё недавно были впору, теперь обнажали щиколотки.

— Растёт не по дням, а по часам, только недавно купила штаны, а уже снова менять надо, — мать хоть и делала вид, что жалуется, но лицо её сияло от улыбки.

Чу Лян притянул его к себе и измерил рост — сто шестьдесят три сантиметра. Он ошеломлён: Чу Фань рос слишком быстро, вот так разом скакнул — и сразу на такую высоту. Из-за этого Чу Лян снова оказался ниже Чу Фаня на полголовы, разница в росте стала точно такой же, как до того, как они оба начали вытягиваться. Чу Лян страшно расстроился: все его прежние старания пошли прахом.

Чу Лян притянул его к себе и измерил рост — сто шестьдесят три сантиметра. Он ошеломлён: Чу Фань рос слишком быстро, вот так разом скакнул — и сразу на такую высоту. Из-за этого Чу Лян снова оказался ниже Чу Фаня на полголовы, разница в росте стала точно такой же, как до того, как они оба начали вытягиваться. Чу Лян страшно расстроился: все его прежние старания пошли прахом.

Глядя на Чу Фаня, который снова возвышался над ним, Чу Лян невольно вздохнул.

— Эх... за что мне это? — Чу Лян чувствовал себя обделённым. Он каждый день тренировался до потери пульса: бегал, занимался тхэквондо, а недавно ещё и за баскетбол взялся — почему же он совсем не растёт? Неужели дело в банальной предрасположенности? Чем больше Чу Лян об этом думал, тем сильнее падал духом.

Мать улыбнулась:

— Наш малыш просто копит силы, а потом как рванёт догонять!

Чу Фань, слушая слова матери, закивал, как заведённый:

— Да-да, ты ведь тоже в своё время резко вытянулся, так что не спеши.

Унылое выражение лица Чу Ляна казалось Чу Фаню невероятно милым и простодушным. Он притянул его к себе и пару раз чмокнул в лоб:

— Я к Дэн Юю, скоро вернусь к тебе. Чего-нибудь хочешь вкусненького?

— Ничего не надо, аппетита нет.

Похоже, внезапный скачок роста Чу Фаня и правда нанёс по Чу Ляну тяжёлый удар. Тот выглядел совершенно прибитым, без сил свесив голову, и лежал на диване, обхватившись диванной подушкой.

Ого, да этот парень совсем расклеился, — ухмыльнулся Чу Фань и вышел во двор.

Дэн Юй тоже поступил в первую школу, можно сказать, проскочил в последний момент. К тому же в этом году экзамены проводились впервые, проходной балл требовался невысокий, и Дэн Юй чудом зацепился за списки поступивших. Увидев свои баллы, он до последнего не верил глазам — ведь он уже морально был готов идти во вторую младшую. — Чу Фань... Чу Фань... Сюда.

Дэн Юй, должно быть, сильно похудел из-за зубрежки: от прежнего пухлого увальня с избытком жира на теле не осталось и следа. Заметив, что Чу Фань вышел, он поспешно помахал ему и многозначительно подмигнул.

Чу Фань подкатил к Дэн Юю на велосипеде. Обычно они отправлялись на небольшой холм в конце переулка — это было их тайное место для обсуждения важных дел. Заметив взгляд друга, Чу Фань сразу все понял и развернул велосипед обратно в переулок.

Подъем в переулке был довольно крутым, а погода стояла жаркая. Когда они наконец добрались до вершины, Чу Фань уже весь вспотел. Прислонив велосипед к старому гингко, Дэн Юй, придерживая живот руками, сел рядом с Чу Фанем.

Эта поза казалась до боли знакомой. Чу Фань едва сдерживал улыбку, вспомнив, как раньше они точно так же прятали тайком пронесенные перекусы. Учителя запрещали приносить еду в класс, и тогда они засовывали ее прямо под одежду. Чу Фань немного подвинулся, освобождая Дэн Юю половину скамьи.

— Чего ты вечно прячешься и таишься? Что это там у тебя?

Дэн Юй огляделся по сторонам с видом заправского воришки и, убедившись, что поблизости никого нет, вытащил из-за пазухи книгу.

— На, глянь.

Чу Фань посмотрел на потрепанный томик без обложки. Разве это не та самая книга, с которой Дэн Юй носился целыми днями, трясясь над ней как над сокровищем? Из-за такой таинственности Чу Фань, который вообще-то не любил читать, сразу заинтересовался. Взяв книгу из рук друга, он начал листать страницы, но уже на первой замер. Он даже не знал, как и описать свои ощущения: слова на бумаге щекотали душу легким перышком, вызывая странный зуд, от которого даже дыхание сбилось.

— Откуда у тебя такая книга?

Теперь Чу Фань прекрасно понимал, почему Дэн Юй так параноидально прятал ее. Если бы родители или учителя увидели эту книжонку, его бы живьем закопали за такое чтиво.

— Да уж не спрашивай откуда. Ты собираешься читать ее здесь или заберешь домой? Я дома ее держать не смею, матушка как раз затеяла генеральную уборку, еще попадись ей на глаза... Пришлось таскать с собой каждый день, у меня уже потница от нее вскочила.

Дэн Юй задрал майку и подставил спину:

— Глянь, не высыпало ли? Чего-то жутко чешется.

Чу Фань хлопнул его по спине:

— Ничего не высыпало. Бледный как вареная курица, и куда только весь твой жир делся?

— Нет сыпи — и ладно. Так что с книгой-то делать?

Дэн Юй чувствовал себя так, будто хранил дома мину замедленного действия. Ему было тревожно, и сначала он даже хотел ее сжечь, но потом подумал, что хорошими вещами нужно делиться с братом, и притащил ее к Чу Фаню.

Чу Фань захлопнул книгу. Внизу живота приятно и томительно заныло, словно от слабого разряда тока — ощущения были одновременно неприятными и странными. Он прокашлялся:

— Оставь у меня. Мама особо не лезет в мои книги.

<http://bllate.org/book/21148/2144261>